

Современный российский конституционализм: философское осмысление в свете конституционного правосудия

Бондарь Николай Семенович

Судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук

Abstract

В соответствии с методологией мировоззренческо-правового плюрализма, на основе сочетания позитивизма и естественного права, в статье дано обоснование конституционализма как философско-правовой категории. Конституционализм рассматривается в единстве публично-властных, социокультурных, нравственно-этических начал как отражение универсальных ценностей современной цивилизации, которые в концентрированном виде проявляются в закономерностях демократической организации общества и государства на основе триединого баланса власти, собственности, свободы. В соответствии с этим предложено структурное видение философско-правового измерения конституционализма как: а) доктринального конституционализма, выражающего определенную философско-правовую теорию, систему конституционно-правовых идей в единстве с доктринальными представлениями о нравственно-этических ценностных императивах; б) нормативно-правового конституционализма, характеризующего систему конституционного позитивизма, которая представляет собой государственно-иерархическим образом организованное нормативно-правовое пространство конституционализма; в) онтологического конституционализма, раскрывающегося в конституционно-правовой практике, во всей совокупности отношений общественно-политического и государственно-правового развития; г) конституционного мировоззрения, в котором конституционализм проявляется в виде особой формы общественного сознания, отражающей сплав конституционной психологии и конституционной идеологии. Одним из основных атрибутивных признаков современного конституционализма является конституционное правосудие. В этом качестве Конституционный Суд России выступает не только хранителем, но и преобразователем Конституции, важным фактором развития всей системы российского

конституционализма. Посредством конституционного правосудия происходит актуализация конституционализма с учетом изменяющихся конкретно-исторических условий его развития, благодаря чему существующее (система реальных отношений) и должное (юридическая конституция) сближаются. На этой основе анализируются основные направления формирования судебного («живого») конституционализма как качественно нового политико-правового режима судебной защиты Конституции России и обеспечения верховенства права, выявляется нормативно-доктринальное значение решений Конституционного Суда РФ. Особое внимание уделяется анализу методологических основ деятельности конституционного правосудия. С учетом осмысления обширной конституционно-судебной практики обосновывается значение философско-мировоззренческого плюрализма как одного из основополагающих принципов конституционно-судебного контроля. Это предполагает отстаивание Конституционным Судом РФ идеи правового закона, в рамках которой естественно-правовое и позитивистское начала современного российского конституционализма интегрируются, что, в свою очередь, открывает новые возможности для конституционно-правового развития российской государственности на основе признания универсальных конституционных ценностей в качестве составной части действующего права.

Keywords: конституционное правосудие, позитивизм, конституционализм, Конституционный Суд Российской Федерации, естественное право, судебный конституционализм

Современная эпоха характеризуется системным кризисом конституционализма, охватившим как структурные и функциональные его характеристики, так и аксиологические начала классических институтов конституционной демократии. Это сопровождается углублением противоречий, усилением конкуренции между основополагающими принципами и конституционными ценностями демократии, прав человека, верховенства права, государственного суверенитета в соотношении с требованиями безопасности личности, общества, государства в условиях новых глобальных угроз, с которыми столкнулось человечество в XXI в.

Геополитические изменения современного мира, безусловно, имеют в том числе конституционное значение (хотя и не всегда положительное); соответственно они объективно определяют потребность выработки новой философии конституционализма, разработки принципиально новых подходов к обоснованию неких интегральных, синтетических мировоззренческих, нравственно-этических, социально-экономических, политических основ современного конституционализма. Одновременно это определяет новые требования и к гносеологии современного конституционализма, к процессу его познания на основе понимания как общих закономерностей, так и национально-исторических особенностей конституционного развития современных государств. Это особенно остро проявляется — если иметь в виду, в частности, политико-правовую сферу — в конституционном правосудии.

1. Методологический плюрализм — «спасительная основа» философского осмысления современного конституционализма.

Неизвестный ранее ни одной другой исторической эпохе динамизм, стремительность обновления политических, социально-экономических, нравственно-этических, клерикально-конфессиональных и конституционных основ государственной и общественной жизни (с чем столкнулись в том числе государства, возникшие на постсоветском пространстве, включая Россию) объективно определяют необходимость активного дополнения догматических методов изучения нормативно-правовой, публично-властной составляющей конституционализма социологическим, историческим, нравственно-этическим, философско-мировоззренческим

методами познания сложных и комплексных по своей природе явлений конституционно-правовой действительности. Только на базе таких широких подходов становится возможным выявление и оценка внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных особенностей современного глобализующегося конституционализма. Это не случайно: сама конституция является порождением социальных противоречий общества и государства, правовым средством и юридической основой их разрешения; поэтому главный методологический вопрос, возникающий при анализе любой конституционной системы в контексте глобальных проблем современного мира, — это культурно-исторический аспект универсального юридического механизма реализации общепризнанных конституционных ценностей.

Культурологический метод исследования, благодаря которому становится возможным не только проникнуть в сущностные пласты политико-правовых явлений, но и продуцировать новые знания о социальной действительности, должен стать одним из основных в современной концепции философии конституционализма. Никакая рациональная формально-юридическая аргументация не может быть свободной от национальной культуры и нравственности.

В этом плане нынешнее состояние философии конституционализма может быть охарактеризовано, говоря словами российского философа права И.А. Ильина, как утрата веры в спасительный методологический монизм и переход к принципиальному признанию методологического плюрализма¹. Предполагается, что различные концепции и подходы к праву при переходе к реальному конституционализму приобретают значение действенных доктринальных средств в той мере, в какой они могут быть аутентично интегрированы в пространство конституционно-правового регулирования. Это требует своего рода коммуникативно-интегрированного или — что особенно значимо для конституционного исследования правовых систем — конституционного правопонимания². Объективно необходимо также признание и утверждение философско-мировоззренческого плюрализма и как доктринального метода

1. См.: Ильин И.А. Понятия права и силы (опыт методологического анализа) // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 9-10.

2. В российской правовой науке эти подходы исследованы с разных позиций, напр.: Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. М., 2007; Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004; Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

исследования, и как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования всей системы демократической государственности.

Такой подход в полной мере отвечает универсальной природе понятия «конституционализм»: данная категория способна охватывать своим содержанием как собственно правовые, так и неюридические (в том числе предюридические или постюридические) явления, равно как и «метаюридические» феномены социального, экономического, политического, культурного характера. Причем не только в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой формирования конституционализма, но и в качестве имманентных его характеристик (социальных, культурологических, нравственно-этических и т.п.), институциональной нормативнорегулятивной подсистемы конституционализма и одновременно — средой его существования и развития, что решающим образом влияет на основополагающие конкретно-исторические характеристики данного явления.

В этом смысле философское осмысление современного российского конституционализма имеет не только фундаментальное научно-методологическое, но и прикладное значение, принимая во внимание понимание соответствующей социальной практики и как сферы реализации философии современного конституционализма, и как институционального средства ее развития, когда, в частности, решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) приобретают значение материализованного (нормативно-доктринального) воплощения философии современного конституционализма.

Что касается самого понятия категории «конституционализм», то можно долго дискутировать по поводу его смысловых и структурных характеристик, принципов, свойств, чтобы выработать универсальное и приемлемое определение. Однако вне зависимости от этого все мы прекрасно знаем, что означает отсутствие в обществе и государстве конституционализма. И это не случайно: здесь весьма высок удельный вес воспринимаемых на уровне не столько юридических знаний, сколько веры, убеждений, обычаев и традиций, нравственных, этических требований Справедливости и Правды. Показательны в этом плане слова апостола Павла, что никто не может оправдываться тем, что не знал, как поступить в своей жизни, — нравственный

закон написан в сердце каждого человека; люди, «не имеющие закона, по природе законное творят»: «дело закона у них написано в сердцах»³.

Это присутствует, в конечном счете, как при исследовании онтологических, аксиологических, гносеологических, иных проблем философии конституционализма, так и при попытке доктринального опредмечивания категории «конституционализм» в теории и практике конституционного правосудия.

2. Конституционализм как философско-правовая категория: единство публично-властных, социокультурных, нравственно-этических начал.

При всем многообразии подходов к определению понятия «конституционализм»⁴ очевидно, что традиционный для научной литературы подход к конституционализму как юридической, политико-правовой проблеме недостаточен. Это слишком сложное понятие, чтоб отдавать его на откуп только юристам. Как одна из универсальных философско-правовых категорий, конституционализм призван отражать важнейшие (универсальные) ценности современной цивилизации. Эти ценности в концентрированном виде проявляются в закономерностях демократической организации общества и государства на основе триединого баланса власти — собственности — свободы в режиме верховенства права, признания и защиты прав и свобод человека и гражданина, следования морально-нравственным императивам, сложившимся в обществе и государстве. В более конкретном, схематично структурированном плане конституционализм как философско-правовая, социокультурная и нравственно-этическая категория предстает следующим образом.

Во-первых, в качестве доктринального конституционализма как особой философско-правовой теории, системы политико-правовых идей и концепций, которые предстают одновременно и

3. Цит. по: Сорокин В.В. Совесть как элемент русского православного правосознания // Государство и право. 2011. № 6. С. 23. Подр. см.: Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002.

4. См. об этом, напр.: Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998; Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 1999; Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2004; Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008; Рассел Г. Конституционализм: опыт Америки и других стран // <http://www.infousa.ru/government/dmpaper2.htm> (дата обращения: 9 марта 2009 г.).

как учение о конституции, конституционных основах организации власти, и как определенная система нравственно-этических представлений о справедливости и равенстве, свободе и ответственности, добре и зле и, соответственно, о характере отношений между обществом, государством и личностью в режиме признания (либо непризнания) таких ценностей. Это является своего рода гносеологической составляющей конституционализма. При том, что имеется немало научных разработок о соотношении права и нравственности⁵, вопрос о конкретных механизмах и практике включения духовно-нравственных ценностей в систему действующего законодательства остается весьма актуальным. Пока, надо признать, имеют место лишь отдельные и довольно робкие попытки позитивной юридикации нравственных ценностей и их правового обеспечения как необходимых регуляторов практической жизни⁶.

Во-вторых, данная философско-правовая категория воплощает в себе нормативно-правовой конституционализм как систему конституционного позитивизма. Эта система представляет собой государственно-иерархическим образом организованное нормативно-правовое пространство конституционализма, основанное на нравственно-этических, социокультурных ценностях народа и подчиненное конституции как высшему формально-юридическому императиву общества и государства. Конституция выступает в этом случае как своего рода нормативно-правовое ядро конституционализма.

В-третьих, это онтологический конституционализм, который предстает как конституционно-правовая практика, рассматриваемая в самом широком смысле общественно-политического и государственного развития, включая, естественно, и собственно конституционную — законодательную, административную, судебную — практику. Очевидно, что именно на этом уровне, в практической сфере реализации конституции и законодательства наиболее остро проявляется нравственный кризис современного конституционализма. В частности, в профессиональном правосознании правоприменителей безраздельно господствует юридический позитивизм, что

5. См., напр.: Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008; Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986.

6. К ним можно отнести принятие в ряде субъектов Российской Федерации, с учетом их национальных и исторических особенностей, специальных законов об охране личной и общественной нравственности (это, например, Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Алтайский край, Красноярский край).

является одним из истоков и показателей нравственного кризиса конституционализма. В конституционном плане есть основания для постановки вопроса не просто о профессиональной юридической этике (следователя, судьи, государственного или муниципального служащего), а о внедрении в профессиональное и общественное правосознание конституционной максимы: несправедливое решение не может быть конституционным. Адресатом этой нравственно-этической в своей основе, но имеющей, безусловно, конституционное значение максимы должны быть все правоприменители, включая носителей законодательной, исполнительной, судебной власти, и все общество.

Наконец, в-четвертых, конституционализм как философско-правовая и нравственно-этическая категория воплощает в себе характеристики одной из форм общественного сознания, которая отражает единство конституционной психологии и конституционной идеологии, выступает решающей предпосылкой формирования нового типа юридического видения действительности — конституционного мировоззрения. Конституционализм определенным образом оформляет стихийно-правовой опыт в нормативно-концептуальную модель, основанную на ценностях верховенства права, прав человека, социальной справедливости и равенства всех перед законом, социального правового государства, разделения властей, политического, идеологического и экономического плюрализма. В рамках этой модели конституционализм реализует различные функции мировоззренческого, ценностно-ориентационного, нормативно-регулятивного и воспитательно-образовательного характера. В частности, он организует и структурирует общественное и индивидуальное правосознание, правовую философию. В этом плане — как особая сложносоставная аксиологическая, телеологическая и праксиологическая система — конституционализм сам по себе является одной из универсальных нематериальных ценностей цивилизации. В этом качестве он входит в состав мирового культурного наследия всего человечества, с одной стороны, и является национально-культурным достоянием каждого отдельного народа, нации, государства — с другой. Нельзя, однако, не признать, что это, пожалуй, одна из тех сфер конституционализма (особенно если иметь в виду, что к ней тесно примыкает конституционно-правовая политика), которая в наименьшей степени и порой достаточно откровенно склонна «не замечать» нравственные

ориентиры, впрочем как и конституционно-правовые регуляторы и ограничители.

Мнимым оправданием подобной ситуации может служить обстоятельство, что конституционализм нельзя рассматривать как порождение государства и как находящееся под государственным контролем явление. Государство не может и не в состоянии «учредить», «декретировать», «установить» своими законами желательный для него образ конституционализма, хотя и безусловно обязано прилагать необходимые усилия к утверждению и развитию конституционализма в целесообразном для себя направлении. Конституционализм есть объективно складывающийся порядок реальных общественных отношений, который основан на признанных обществом нравственно-правовых требованиях справедливости и меры достигнутой свободы, недопустимости произвола и насилия. Данный порядок формируется на основе внутреннего содержания этих отношений, что превращает их в носителей справедливости и критерий меры свободы. Тем самым отношения, составляющие конституционализм, обретают способность воплощать в себе определенные требования, нормативные модели поведения граждан, должностных лиц, государственных органов и государства в целом в соответствии с идеалами справедливости и свободы.

Не умаляя значение других ветвей власти, представляется обоснованным отметить важную роль судебной власти, в особенности органов конституционного нормоконтроля, в развитии, в частности, аксиологических начал современного конституционализма, в соединении его формально-юридических, нравственно-этических и культурологических элементов.

3. Конституционное правосудие — генератор судебного («живого») конституционализма.

Реализованная в России на федеральном уровне модель сильной конституционной юстиции является залогом активного влияния КС РФ не только как судебного правоприменительного, но и как квазиправотворческого органа на развитие и утверждение системы реального российского конституционализма. В этом плане КС РФ не только хранитель, но и преобразователь сложившейся системы конституционализма. Государственно-властная энергетика конституционного правосудия, материальным выражением и

нормативным эквивалентом которой выступают правовые позиции КС РФ (сформулированные в его решениях по итогам рассмотрения конкретного дела нормативно-доктринальные выводы, оценки и установки), проникает во все компоненты конституционализма, активно воздействует на них.

Посредством конституционного правосудия конституционализм актуализируется с учетом изменяющихся конкретно-исторических условий своего развития, благодаря чему сущее (система реальных отношений) и должное (юридическая конституция) сближаются, превращаясь в «живой» конституционализм. На этой основе становится возможным формирование нового, во многом уникального политико-правового явления конституционной государственности — судебного конституционализма.

Исходные начала авторской концепции судебного конституционализма проистекают из сущностных характеристик конституции, с одной стороны, и конституционного назначения судебной власти (в особенности конституционного правосудия) — с другой⁷. Необходимость участия судебной власти в решении конституционно значимых вопросов имеет объективный характер; она обусловлена уже самим по себе признанием судебной власти в качестве одной из основ конституционного строя, призванной обеспечивать верховенство и прямое действие Конституции Российской Федерации. Это подтверждается как национальной, так и зарубежной практикой.

Применительно к России речь идет о всей системе судебной власти — конституционной, общеюрисдикционной, арбитражной. Будучи проявлением правоприменительного компонента конституционализма, судебная практика оказывает значимое воздействие и на его нормативное содержание, и, в конечном счете, на мировоззренческие, социально-философские основы системы реального конституционализма. Не только в странах общего права, но и в романо-германской (континентальной) системе права судебная власть формирует, в частности, прецедентное понимание смысла конституционно-правового регулирования общественных отношений в рамках подведомственных судам дел и тем самым как бы осуществляет его конкретизацию и развитие; выявляет, обосновывает, уточняет, конкретизирует имеющие по сути конституционное значение общие начала (принципы) отраслевого

7. Подр. см.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.

законодательства; устраняет из правовой системы не соответствующие требованиям закона и, в конечном счете, неконституционные нормативные акты с учетом разграничения полномочий между судами различных видов юрисдикций.

Важное значение в этом плане имеют разъяснения по вопросам судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ст. 126 и 127 Конституции Российской Федерации), которые призваны обеспечивать единообразное судебное толкование и применение законодательных норм. Эти суды, реализуя данные задачи, нередко формируют право положения общерегулятивного характера. Вместе с тем в случае, если суд общей юрисдикции или арбитражный суд в процессе рассмотрения конкретного дела придут к выводу о наличии неопределенности с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации подлежащего применению для разрешения дела закона, они обязаны направить запрос в Конституционный Суд Российской Федерации⁸.

Необходимость участия судов различной юрисдикции в решении конституционно значимых вопросов имеет объективный характер; в наиболее общем виде она обусловлена признанием судебной власти одной из основ конституционного строя (ст. 10 Конституции Российской Федерации), которая призвана обеспечивать верховенство и прямое действие конституции (ст. 15). В то же время очевидно, что особая роль в этих процессах принадлежит конституционному правосудию как специализированному инструменту правовой охраны Конституции Российской Федерации.

Такое значение конституционного правосудия для стран, избравших кельзеновскую (континентальную) модель конституционного нормоконтроля, является на сегодняшний день общепризнанным. Это и понятно: «Конституция, — указывается в Генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3—6 июня 2008 г.), — без органа конституционного контроля, обладающего полномочиями констатировать противоречие обычных правовых актов конституции, есть *lex imperfecta*. Конституция становится *lex perfecta* только тогда, когда конституционный суд может признавать обычные законы противоречащими конституции...

8. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

Только активная позиция конституционного суда обеспечивает реальную, а не предполагаемую имплементацию принципа верховенства конституции... Роль конституционного суда при обеспечении принципа верховенства конституции является основополагающей. Через конституционный контроль конституция как правовой акт превращается в «живое» право»⁹. Добавим: только через конституционный контроль конституционализм превращается в «живой» конституционализм.

Практика конституционного правосудия объективирует и формально-юридическую природу, и социальную сущность Конституции как правового акта высшей юридической силы и прямого действия, выступающего порождением, отражением и универсальным средством разрешения социальных противоречий. В этом плане как раз и становится возможным рассматривать образование КС РФ в качестве одной из важнейших предпосылок утверждения в России реального, «живого», а не декларативного конституционализма. КС РФ служит гарантом неразрывности фактической и юридической конституции, чем как раз и обеспечивается единство должного и сущего в конституционном пространстве.

Учитывая характер конституционного правосудия как специализированного конституционно-контрольного института и одновременно института судебной власти, можно утверждать, что именно образование КС РФ (своего рода материально-организационного, специально-целевого воплощения конституционализма) является решающим шагом на пути формирования качественно нового состояния конституционализма — судебного конституционализма. Исходя из этого, для понимания судебного конституционализма и роли конституционного правосудия в его становлении и развитии одинаково важно учитывать по крайней мере несколько моментов.

Во-первых, решения КС РФ, обладая специфической природой (особые виды актов нормоустановительного характера), являются нормативной правовой основой формирования судебного конституционализма и, соответственно, всей системы российского конституционализма в целом. В этом проявляется

9. См.: Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3-6 июня 2008 года) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2-3. С. 110-111.

их природа и назначение как нормативно-правового компонента судебного конституционализма.

Во-вторых, конституционное правосудие и его решения — один из важных источников развития современной конституционной доктрины, модернизации российской государственности (доктринальный компонент судебного конституционализма, что вытекает из нормативно-доктринальных характеристик решений КС РФ).

В-третьих, КС РФ — генератор конституционной идеологии, творец новой конституционной культуры, конституционного мировоззрения личности и общества (идеологический компонент судебного конституционализма).

В-четвертых, судебный конституционализм есть материализация конституционно-судебной практики, реального воплощения в жизнь требований верховенства конституции, ее прямого действия, материализация конституционных ценностей в обществе и государстве (материальный компонент судебного конституционализма).

Судебный конституционализм способствует утверждению и поддержанию конституционного правопорядка как высшего юридического выражения правовой демократической государственности, что обеспечивается путем придания ей качеств фактической (практико-прикладной) ценности, проникающей как в публично-властную деятельность, так и в процессы реализации прав и свобод человека и гражданина, во всю систему конституционного правопользования.

Соответственно, конституционное правосудие, т.е. специальный судебный конституционно-контрольный институт, и судебная власть вообще, т.е. кумулятивное воплощение государственно-правового контроля, образуют один из основных каналов и атрибутивных признаков конституционализма, его несущую конструкцию, придают конституционализму необходимую степень устойчивости и динамизма. С этих позиций судебный конституционализм может быть представлен как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия конституции, безусловного судебно-правового гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства.

Конституционный контроль — прежде всего в форме конституционного правосудия — выступает, таким образом, сущностной чертой судебного конституционализма, проникая во все его составляющие. Учреждение и функционирование института конституционно-судебного контроля преобразует конституционализм, переводит его на качественно новый уровень практической реальности.

Творчески преобразовательная функция конституционного правосудия обеспечивается с помощью различных способов судебного нормоконтроля в рамках определенных Конституцией Российской Федерации полномочий КС РФ. Это, прежде всего, толкование норм Конституции Российской Федерации как форма ее преобразования без изменения буквы правотолковательной нормы. С помощью официального толкования Конституции Российской Федерации обеспечивается не только государственно-правовая (конституционная) оценка соответствующих сфер социальной действительности, но и уточняюще-разъясняющее развитие содержания конституционных норм. Одновременно этим придаются дополнительные импульсы конституционному обоснованию отраслевого законодательства, конкретизирующего данные конституционные нормы и институты. Очевидно, что соответствующие решения КС РФ должны вытекать не из политической конъюнктуры, а из требований самой конституции как «метаправового» документа. Толкуя конституцию, суд осуществляет по сути нормативно-доктринальную, квазиправотворческую функцию, когда принимаемые им решения становятся частью конституции, сопоставимыми с ней по юридической силе.

Преобразование конституционных отношений осуществляется также посредством разрешения конституционно-правовых споров. Их разрешение — формулирование итогового вывода о конституционности или неконституционности оспариваемого законоположения — требует выявления смысла и существа конституционно-правового подхода к данному вопросу, в том числе в системе действующего правового регулирования. Закономерным результатом такой конституционно-судебной деятельности является уяснение и истолкование прямых и обратных связей между положениями конституции и текущим законодательством, их синхронизация в соответствии с требованиями иерархичности правовой системы, с одной

стороны, и обогащение, наращивание нормативного потенциала конституционных принципов и норм — с другой.

Важным способом конституционно-судебного преобразования конституционного регулирования и конституционных отношений является конституционное истолкование правовых норм отраслевого законодательства. Деятельность КС РФ, связанная с осуществлением конституционного истолкования законодательных положений, также является особой формой квазиправотворческой деятельности, предполагающей наращивание нормативной энергии положений отраслевых законов за счет конституционных принципов и ценностей, на соответствие которым были подвергнуты проверяемые нормы текущего законодательства.

Выработка КС РФ на основе разрешенных конкретных дел рекомендаций законодателю по совершенствованию правового регулирования является следующим способом развития конституционных институтов российской государственности посредством конституционного правосудия. Это вытекает из самой природы, особенностей юридической силы таких рекомендаций. Рекомендации законодателю, выработанные КС РФ на основе разрешенных конкретных дел, не имея непосредственно обязывающего значения для нормотворческих органов, ориентируют их на последовательную и систематическую реализацию конституционных принципов и норм в текущем законодательстве. Следовательно, непринятие во внимание, а тем более игнорирование законодателем соответствующих рекомендаций может привести к противоречивости и рассогласованности законодательства в его сопоставлении с Конституцией Российской Федерации и создать угрозу нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов и ценностей.

Судебный конституционализм обеспечивает, таким образом, последовательную гармонизацию буквы и духа конституции, приведение ее формально-юридического содержания в соответствие с «социальной нормативностью», в основе которой — реальные отношения политического властвования, экономической и социальной организации общества и государства. Тем самым охрана конституции и ее стабильность поддерживаются в сочетании с динамизмом конституционной системы как живого организма.

4. Философско-мировоззренческий плюрализм в практике конституционного правосудия: сочетание позитивизма и естественного права.

При наличии различных концептуальных подходов квинтэссенцией философско-мировоззренческого осмысления современного конституционализма является реализация в конституционном пространстве современных государственно-правовых систем двух типов правопонимания — позитивизма и естественного права. Внешним, формально-юридическим выражением этих философско-мировоззренческих начал современного конституционализма является соотношение конституции с такими явлениями как право, с одной стороны, и закон — с другой.

Эти два типа правопонимания — позитивизм и естественное право — по-своему важны в системе философско-мировоззренческого восприятия правовой действительности, и для конституционно-правовой науки они означают приблизительно то же, что для философии «линия Платона» и «линия Аристотеля»¹⁰. Речь идет о реализации по этим двум философско-правовым направлениям различных гносеологических установок, имеющих принципиально важное, методологическое значение, в том числе для всей системы современного конституционализма.

Представляется, что Конституция Российской Федерации 1993 г. может быть охарактеризована в этом плане с позиций философско-мировоззренческого плюрализма, который основан как раз на сочетании естественно-правового и позитивистского подходов. В то же время с формальных позиций философской догмы это может привести к предположению об отсутствии в конституционном пространстве России философско-мировоззренческого монизма и о наличии некой мировоззренческой эклектики, в рамках которой естественно-правовой тип правопонимания конкурирует с позитивистским. Такие оценки имеют место в научной литературе: в Российской Федерации «конституционная концепция прав человека (и концепция должного закона) эклектически (курсив наш. — Н.Б.) соединяет непозитивистские представления о правовой свободе с

10. См.: Воротилин Е.А. Естественное право и формирование юридического позитивизма // Государство и право. 2008. № 9; Рудковский В.А. Позитивизм и естественное право (философия права) в контексте современного правопонимания // Философия права. 2008. № 5.

позитивистскими представлениями о правах как законодательно санкционированных притязаниях»¹¹.

Такой подход, очевидно, имеет в своей основе противопоставление естественноправовых и позитивистских начал, исключает возможность их сосуществования — при признании за этими началами самостоятельной и соотносимой юридической ценности — без ущерба для права как воплощения свободы, равенства и справедливости. Вместе с тем уже опыт античной философии позволяет предположить, что противоположные философские начала могут находиться или быть сведены к такому отношению, когда имеющееся между ними напряжение порождает возникновение нового положительного качества и достижение положительного результата. С этой точки зрения внимательный и непредвзятый анализ Конституции Российской Федерации дает основания полагать, что она, различая в своем идейном базисе доктрины естественного права и позитивизма, не противопоставляет их, не приводит к состоянию антагонистического противоречия, а, напротив, стремится к выработке их синтетического, взаимосогласованного понимания в целях эффективного правоприменения.

Действительно, Конституция Российской Федерации реализует во многом идеи естественно-правовой теории. Так, согласно Конституции человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2); они признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам международного права, неотчуждаемы, принадлежат каждому от рождения (ст. 17). В то же время из самой Конституции Российской Федерации вытекает недопустимость противопоставления естественно-правовых начал (вытекающих непосредственно из конституции) последующему законодательному регулированию прав и свобод человека и гражданина. Напротив, полномочия по государственно-правовой регламентации прав человека прямо закрепляются за федеральным законодателем (п. «в» ст. 71), а в ст. 18 Конституции Российской Федерации установлено требование, согласно которому права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, т.е. содержащиеся в правах и свободах естественно-правовые начала должны объективироваться в позитивных (принимаемых государством)

11. Четвернин В.А. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4. С. 32.

законах, получать реализацию в правоприменительной деятельности.

В системе философско-мировоззренческих основ современного российского конституционализма естественно-правовое и позитивистское начала интегрируются в идею правового закона. Основным же организационно-правовым механизмом согласования, достижения гармонии между этими двумя философско-мировоззренческими началами российского конституционализма выступает КС РФ.

Для конституционного правосудия эта задача имеет не только практикоприкладное, утилитарное значение, учитывая возможности и объективную необходимость использования соответствующих философских доктрин для формирования юридической логики конституционно-судебного нормоконтроля и выработки надлежащих конституционно-правовых подходов (мотивированных и обоснованных) при разрешении конкретных дел. Философия конституционализма проявляет себя — применительно к сфере конституционного контроля — значительно более широко: как своего рода системообразующая основа, которая определяет сущность самого по себе института конституционного контроля, влияет на его функциональные характеристики и во многом направляет практическую деятельность органа конституционного правосудия. Ведь именно концептуальное различие права и закона, в том числе в их соотношении с конституцией, и стремление на этой основе сформировать правовой закон является решающей предпосылкой для постановки вопроса о правовом содержании законодательных актов, их соответствии конституции, а стало быть, речь идет о самой по себе институционализации данной контрольно-судебной функции.

Напротив, концептуальное отождествление права и закона, придание закону имманентного правового начала, связанного исключительно с волей законодателя, — что свойственно юридическому позитивизму — в принципе исключает возможности для конституционного контроля, поскольку в рамках этой доктрины ключевой является максима «законодатель всегда прав», и оценка правомерности действий законодателя в этом случае бессмысленна.

Опираясь на конституционно-правовую доктрину правового закона, КС РФ в своей практике стремится к сбалансированному сочетанию естественно-правовых и позитивистских начал в национальной конституционно-правовой системе. Учитывая, что

право по своему содержанию и генезису имеет «вне-законотворческий» и «до-законотворческий» характер, КС РФ в то же время исходит из необходимости как можно более полного выражения права именно в законе (в широком смысле этого слова). Закон призван обеспечить формальную определенность права, его единообразное понимание и применение, т.е. в конечном счете равноправие граждан.

Соответственно, КС РФ признает существование такназываемых неформальных источников права и, в частности, активно оперирует при осуществлении конституционного контроля общими принципами права и правовыми принципами, ссылаясь на них как на критерий оценки конституционности норм законов. Эти принципы, по мнению КС РФ, обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в их приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права. Поэтому действия законодателя, правоприменителя и иных субъектов права не должны вступать в противоречие не только с буквой, но и с духом Конституции Российской Федерации и содержащихся в ней принципов, включая принципы правового государства, справедливости, баланса частных и публичных интересов и т.д.¹²

Вместе с тем, КС РФ не противопоставляет право и закон и исходит из необходимости использования всех возможных конституционно-правовых средств для обеспечения правового содержания действующего закона, что свидетельствует о бережном отношении КС РФ к закону. Именно с этим связана презумпция конституционности закона и такой прием конституционно-судебного контроля, как конституционно-правовое истолкование, выявление в порядке конституционного правосудия правового (конституционного) смысла закона и устранение всех иных — неправовых — его интерпретаций из правоприменительной практики. Если КС РФ установит, что неконституционный смысл придается норме в результате неадекватного Конституции Российской Федерации ее

12. См.: Постановление КС РФ от 27 января 1993 г. № 1-П // СЗ РФ. 1993. № 14. Ст. 508; Постановление КС РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336; Определение КС РФ от 27 декабря 2005 г. № 503-О // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 945.

истолкования правоприменителем, он вправе, не устраняя саму норму из правовой системы (поскольку это может повлиять на функционирование правовой системы в целом и создать трудности в правоприменении, в частности обусловленные возникшим пробелом в правовом регулировании), восстановить ее конституционно-правовую интерпретацию, признав не противоречащей Конституции Российской Федерации в выявленном в результате конституционного судопроизводства конституционноправовом смысле. Решение КС РФ, которым подтверждается конституционность нормы именно в данном им истолковании и тем самым исключается любое иное, т.е. ее неконституционное истолкование, а следовательно, и применение в неконституционной интерпретации, имеет в этой части такие же последствия, как и признание нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации¹³.

Главным инструментом согласования естественно-правового и позитивистского правопонимания в механизме конституционного контроля являются конституционные ценности и, соответственно, поиск баланса между властью и свободой, правами человека и безопасностью общества и государства, демократией и централизмом, свободой предпринимательства и социальной защитой граждан и другими конкурирующими ценностями как в нормативном содержании действующих законов, так и непосредственно в правоприменительной практике.

5. Универсальные конституционные ценности — предметно-гносеологический инструмент конституционного правосудия.

Проблема конституционных ценностей может рассматриваться в различных аспектах: с общетеоретических позиций конституционной философии, что связано с выявлением существа, содержания и системы конституционных ценностей, характера их влияния на конституционное мировоззрение. В прагматически-прикладном плане — как элемент не только аксиологии, но и конституционной праксиологии, имея в виду необходимость разработки инструментария применения (реализации) конституционных ценностей в правотворческой,

13. См.: Постановление КС РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Российская газета. 2012. 11 января; Определение КС РФ от 11 ноября 2008 г. № 556-О-П // СЗ РФ. 2008. № 48. Ст. 5722.

правоприменительной и иных формах практической деятельности при решении конкретных задач государственного и общественного развития.

Уже поэтому конституционные ценности представляют собой и гносеологический, и аксиологический, и одновременно предметно-онтологический эквивалент философии современного конституционализма. В этом находит свое отражение тот факт, что аксиология, сфера ценностей и есть «основная компетенция и ответственность философии»¹⁴. Иными словами, философия конституционализма приобретает практическое значение — в том числе под влиянием конституционного правосудия — как учение о конституционных ценностях, становится преимущественно учением о ценностях.

Имеется в виду, что «ценность» — понятие универсальное и многомерное, оно охватывает все области и уровни социальной жизнедеятельности, в том числе, находящиеся в сфере конституционно-правового воздействия и, в особенности, конституционного правосудия. При этом конституционные ценности не только общетеоретическая, доктринально-гносеологическая категория философии конституционализма, но и категория действующего права. Особенности ее нормативно-правовых характеристик предопределяются как ее собственными (конституционно-правовыми) свойствами, вытекающими, в конечном счете, из природы конституции как акта прямого действия, так и особенностями деятельности КС РФ, нормативно-доктринальной природой его решений.

Специфика нормативной энергии конституционных ценностей такова, что они имеют предметом (сферой) своего влияния и одновременно формой политико-правового бытия, т.е. нормативными величинами наиболее высокого, абстрактного уровня, такими как общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений. С помощью конституционных ценностей происходит своего рода приращение и актуализация нормативного содержания соответствующих норм, институтов, принципов, а также установление их сбалансированного взаимодействия. В этом плане конституционные ценности — это не только инструментальное средство нормоконтрольной

14. См.: Гусейнов А.А. Философия: между знаниями и ценностями // Философские науки. 2001. № 2. С. 19–20.

деятельности органов конституционного контроля, но и, в определенной мере, результат такой деятельности.

Нормативно-правообразующее значение конституционных ценностей проявляется и в том, что с их помощью КС РФ выявляет и оценивает правовые модели организации тех или иных сфер общественных отношений, преодолевает пробелы и дефекты в правовом регулировании и одновременно определяет тенденции развития конституционных отношений, обосновывает конституционную стратегию совершенствования законодательства по направлениям, попавшим в сферу конституционного нормоконтроля.

Отражаемые в конституции социальные ценности представляют собой качественные характеристики государственно-правовых явлений высшего порядка, связанные с осознанием обществом — через призму общедемократического опыта и национально-исторической практики — идей человеческого достоинства, добра и справедливости, фундаментальных целей и норм развития, наиболее целесообразных форм общественного и государственного устройства. Конституционализируясь, соответствующие социальные ценности упорядочиваются, встраиваются в определенную иерархическую систему многоуровневых связей и корреляций, основанную на объективно существующем в государственно-организованном обществе социальном порядке в его социокультурном контексте, поскольку правовой социальный порядок, будучи системой связей прав и обязанностей, свободы и ответственности, выступает одновременно и действительным масштабом социальных ценностей.

Следовательно, конституционные ценности находятся в тесной (имплицитной и эксплицитной) связи с нормативной энергией основного закона. С одной стороны, они выступают социально-правовым генератором этой энергии, обеспечивая перевод фактически (консенсуально) признаваемых обществом в качестве общезначимых правил жизнедеятельности в нормативное содержание общеобязательных конституционных положений. Тем самым сложившиеся в общественной практике конституционные ценности посредством адекватной юридикации (возведения в ранг норм основного закона) не только упрочивают легитимность конституции, но и обретают формально-юридическую нормативность и обязывают всех субъектов права, включая государство в целом.

С другой стороны, с момента конституционной формализации определенной системы социально-правовых ценностей фактические аксиологические конституционные отношения оказываются под воздействием принудительной силы норм основного закона и уже не могут развиваться иначе как посредством коррелирующего взаимодействия с формально закрепленными правилами и нормами. Стало быть, соответствие фактических социально-правовых ценностей формальным удваивает их нормативный потенциал, а противоречие не только уменьшает доверие к конституции и затрудняет реализацию ее положений, но и снижает эффективность всего правового регулирования, поскольку оно проистекает из норм основного закона. Гармонизация фактических и формальных социально-правовых ценностей в нормативном содержании положений действующей Конституции Российской Федерации — стратегическая задача КС РФ в рамках возложенных на него функций и полномочий.

Одной из фундаментальных закономерностей современного этапа развития человечества следует признать глобализацию, процессы которой оказывают прямое влияние на систему конституционных ценностей и их иерархические характеристики.

Общедемократические конституционные ценности — основа процессов правовой глобализации. Правовая глобализация отражает не только пространственные (количественные), но и качественные характеристики интернационализации правовой жизни. В центре ее внимания — нарастание общего, универсального в нормативноправовых стандартах бытия современной цивилизации. Но особенно важно то, что правовая глобализация является отражением тенденций юридизации, усиления правового нормирования основных сфер социальной действительности. Но это только одна сторона; другая же — правовая глобализация — представляет собой реакцию на возникновение в XXI в. новых глобальных угроз человечеству: международного терроризма, природных и техногенных катастроф, экологического и энергетического кризисов.

Таким образом, процессы правовой глобализации объективно нуждаются в конституционных оценках на уровне национальных государственно-правовых систем, хотя в то же время нельзя не учитывать, что они естественным образом — не только в силу глобальных последствий, но и по самой своей природе — выходят далеко за пределы собственно национальных конституционно-

правовых систем. В свою очередь универсализация конституционных ценностей сопровождается их трансформацией из мифологизированных политико-идеологических характеристик сущего в действующие нормативно-правовые императивы должного.

В юридикто-глобализационном плане эти процессы могут быть представлены в различных аспектах: а) институциональном, правотворческом, состоящем в сближении правовых систем современности на основе единства их конституционных ценностей; б) правореализационном, где особый интерес вызывает формирование наднациональных юрисдикционных органов по защите общепризнанных ценностей (прежде всего прав и свобод человека); в) в аспекте утверждения новой правовой идеологии, нового типа правосознания и правовой культуры, что выражается, в том числе, в унификации правовых ценностей и сближении фундаментальных характеристик национальных правовых культур; г) в конституционализации общепризнанных принципов и норм международного права и на этой основе в проникновении внутригосударственных юридикто-правовых начал в сферу международных отношений и др.

Важное значение в этом плане имеет уяснение ценностных критериев и ориентиров, лежащих в основе правовой глобализации и, соответственно, правового прогресса демократических государств, имея в виду признание в качестве своего рода аксиомы современного правового глобализма, что эти процессы должны развиваться в направлении юридизации свободы, власти, собственности как основополагающих компонентов современных социально-политических и экономических систем. В этом плане триада «собственность — власть — свобода» представляет своего рода философско-экзистенциальный троичный образ основ современного конституционализма.

В современном мире главным является поиск баланса между ценностями этого конституционного триединства, а в конечном счете — ценностями публичного характера с одной стороны и частными ценностями — с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти (на характеристике власти как «суверенной» делаю акцент) и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, присутствует в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции Российской

Федерации. В этом смысле нахождение баланса власти и свободы составляет главное содержание теории и практики современного конституционализма.

Таким образом, глобализация напрямую влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их развития, модернизации и защиты с помощью различного рода средств, институтов и механизмов их реализации, в том числе в системе «живого» (судебного) конституционализма.